

*Для Жюстины, которая
разделила со мной самое
первое нью-йоркское
приключение.*

Глава 1

— Это отличное предложение, — сказала Софи, испытывая лишь легкое сожаление, что приходится отказаться. Когда-нибудь она полетит в Нью-Йорк, а сейчас не время. — Я не могу.

Анджела скривилась.

— Понимаю, это как гром среди ясного неба, и я готова убить Мел за то, что она сломала ногу.

— Сомневаюсь, что она сделала это специально, — мягко возразила Софи.

— Так или иначе, это чертовски не вовремя, и у меня очередь желающих занять ее место в Нью-Йорке на полгода, но ты мой лучший фуд-райтер. Ты бы идеально подошла!

— Ты очень добра, Анджела...

— Добра? — Анджела приподняла одну пугающе идеальную, выщипанную тонюсенькую бровь. — Я не занимаюсь добрыми делами. Это просто честность. Ты блестящий фуд-райтер, и я хочу... — Она покачала головой. — И не смей никому повторять мои слова... я хочу, чтобы ты расправила крылья.

— А еще ты в отчаянии, — поддразнила ее Софи.

— И то верно. — С самоуничижительным смешком Анджела отложила ручку. — Но хотя бы подумай об этом. Это потрясающая перспектива. Возможность поработать

по обмену подворачивается не так уж часто, и если бы не близнецы, я бы сама сорвалась с места.

— А как же Элла? Уверена, она с удовольствием согласится, — предложила Софи.

Анджела склонила голову набок.

— Ей двадцать девять, а ведет она себя как двенадцатилетняя девчонка. Это будет суцая катастрофа.

— Мне кажется, она не так уж плоха.

Анджела снова подняла бровь, на сей раз другую, но не менее пугающе идеальную.

— Я знаю, как много ты ей помогаешь. Сомневаюсь, что она вообще выживет без тебя.

— Значит, ты не можешь отправить меня в Нью-Йорк, — дерзко улыбнулась Софи.

Рассмеявшись, Анджела захлопнула блокнот.

— Мы справимся. — Ее лицо резко стало серьезным, когда Софи собиралась уходить. — Софи, пообещай, что подумаешь.

Софи вернулась в главный офис, где все еще обсуждали жуткий треск, с которым сломалась кость, когда Мел прыгнула со стойки в пабе, пропев «Я на полгода еду в Нью-Йорк». Над ее креслом все еще покачивался наполовину сдувшийся шарик с надписью «Мы будем по тебе скучать». Надо, чтобы кто-нибудь его снял прежде, чем приедет сотрудница с очень американским именем Брэнди Баумгартен, чтобы занять стол Мел. Да, прибраться бы не помешало. Бедняжка заслуживает большего, чем наслоненный липких колец от бокала с просекко и крошек «Монстер Мунч» (любимого снека Мел), которые усеивали поверхность стола. Прихватив ножницы, Софи со щелчком срезала воздушный шар. Она поступила правильно, отказавшись от предложения Анджелы. Перспектива занять место Брэнди по ту сторону Атлантики представлялась

слишком уж пугающей. А бедняжка Брэнди, которая сюда приедет? В чужой город. Одна-одинешенька. Софи чуть не вздрогнула. Может быть, стоит испечь ей печенье в качестве приветствия? Толстые кукис с большими шоколадными чипсами, чтобы она почувствовала себя как дома? И не забыть про кофе. Американцы пьют много кофе. Может, собрать для нее самое необходимое? Так сказать, путеводитель по старой доброй Англии. Зонтик. И...

— Софи. Земля вызывает Софи. Как правильно писать — «клафоти» или «клафути»?

— Прости, что ты сказала? — Софи подтянула к себе воздушный шар и проткнула его ножницами.

— Молодец, — похвалила Элла, фуд-райтер «Сити Дзена». — Я сама собиралась это сделать. Ну во всяком случае, подумывала. И как пишется «клафути»? Вечно я забываю.

Произнеся по буквам название десерта, Софи села за стол напротив Эллы.

— Чего хотела Анджела? У тебя неприятности?

Софи покачала головой, все еще слегка ошеломленная предложением отправиться работать в сестринский офис на Манхэттене. Если она расскажет об этом Элле, сплетням не будет конца.

— Как прошли выходные? — Элла поморщилась. — Вот черт, спелл-чекер опять все испоганил. Можешь повторить еще раз по буквам? Я съездила в новое французское заведение в Сток-Ньюингтоне. Та еще поездочка, но... А как прошло в «Ле Гаврош» в субботу? О... Нет, он же не отказался?

Софи вздрогнула и выдавила беспечную улыбку.

— К сожалению, мы туда не попали. У него заболела мама.

— О, черт возьми, эта женщина вечно болеет.

— Но она же не виновата, — запротестовала Софи, игнорируя голос внутренней стервы, которая от всего

сердца согласилась с коллегой. Слишком ли эгоистично хотеть, чтобы миссис Соумс хотя бы иногда болела в чуть более удобное время, — и ситуация на сей раз была чрезвычайная. Пришлось вызывать «скорую» и ехать в больницу. Бедный Джеймс всю ночь провел в приемном покое, ожидая новостей.

— Ты чертовски добрая, — нахмурившись, отрезала Элла. — И чертовски снисходительная. Он тебя не заслушивает.

— Я бы не любила его, не будь он таким милым. Сколько ты знаешь мужчин, которые ставят на первое место семью?

Элла поджала бледно-розовые, усеянные блестками губки. Похоже, она снова совершила набег на шкаф редактора в отделе красоты.

— Вот уж точно. Грег забыл о Дне матери, о моем дне рождения и о нашей годовщине.

Софи хотелось закатить глаза, но она сдержалась. Грег редко помнил что-либо помимо точного времени, когда они с парнями играют в футбол.

— Ты потрясающе готовишь, — сказал Джеймс, откладывая нож и вилку.

Софи кивнула, очень довольная тем, как получилось массаман-карри. Сладкое и пряное, но с нужной кислинкой, и картофель вышел не слишком мягкий и не слишком твердый.

Они сидели за столом в ее просторной кухне, между ними горела свеча. Она обожала вечер понедельника, в этот день она готовила особый ужин, потому что знала, что Джеймс все выходные ухаживал за матерью. Он жил у матери три дня в неделю, а остальные четыре проводил в квартире Софи. Софи подозревала, что миссис Соумс вовсе не так уж плохо себя чувству-

ет, просто ей нравится, что сын дома. Но кто мог ее винить за это?

— Когда-нибудь надо на тебе жениться. — Он подмигнул и взял свой бокал, покачал в нем рубиново-красную жидкость и с удовольствием принял. Это было очень недурное австралийское мерло, которое она отыскала по рекомендации винного критика с работы и которое стоило небольшое состояние.

— Следовало бы, — ответила она, чувствуя, как сердце начинает тревожно колотиться.

Джеймс уже не в первый раз отпускал подобные замечания. И она думала, что в субботу в «Ле Гаврош» по случаю второй годовщины их первого свидания он сделает этот шаг... ну, она надеялась...

— Как дела сегодня на работе? — Это было самое замечательное в Джеймсе, он всегда искренне интересовался ее делами.

— Помнишь, я говорила тебе, что Мел в пятницу ушла? Во время празднования своего ухода она сломала ногу. Не может теперь поехать в Нью-Йорк. — Софи заколебалась, потом все же рассмеялась. — Анджела предложила мне поехать вместо нее.

— Что... поехать в Нью-Йорк? — Вид у Джеймса стал встревоженный.

— Не волнуйся, я отказалась. Я бы тебя не бросила.

Джеймс улыбнулся и похлопал ее по руке.

— Если бы ты действительно захотела поехать, я бы не возражал. — Он помолчал, а потом поднес ее руку к губам. — Но я бы ужасно скучал по тебе, дорогая. Мне бы очень не хотелось, чтобы ты уезжала.

Встав, Софи обошла стол и обняла его сзади за плечи, радуясь, что не слишком поверила лести Анджелы. Она бы с удовольствием посмотрела Нью-Йорк. Может быть, они с Джеймсом поедут вместе. Возможно, в медовый месяц.

Джеймс повернулся и уткнулся носом ей в шею.

— Ляжем пораньше? Я без сил. Возвращаться на машине из Корнуолла — сущий ад.

— Мне нужно прибраться.

Софи быстро оглядела заваленную посудой кухню, жалея, что учинила такой беспорядок. Джеймс всегда так устает, что она едва ли могла просить его о помощи, ведь он проехал больше двухсот миль. И ей действительно не на что жаловаться. У скольких людей ее возраста такая кухня? Сколько из них живут в роскошной квартире в Кенсингтоне? На этой квартире настоял папа. Было бы подло сказать «нет». Она любила отца до безумия, но это не означало, что она позволила ему помочь ей найти работу (замолвить словечко в совете директоров) или отправить ее в дорогую частную школу (она сама записалась в местную общеобразовательную), и уж совершенно неправильно пользоваться титулом.

К тому времени, когда она все убрала и вошла в спальню, в комнате было темно, а Джеймс уже крепко спал. Впрочем, он никогда не забывал оставить для нее ночник включенным. Софи тихо разделась и скользнула в постель, прижалась к нему, но никакой реакции не последовало. Бедняжка очень устал. Спит как убитый. Она улыбнулась и смахнула с его лба мягкую челку. Он был хорошим человеком. Не жалуясь, ухаживал за матерью. Софи закрыла глаза. Ей так повезло. Кому нужен Нью-Йорк?

«Опаздываю, увидимся на месте. Выходной сегодня, конечно, у меня, но так здорово, что ты добрая. Целую, К.»

Софи улыбнулась, прочитав сообщение. Кейт была совершенно невыносима: она даже больше, чем сама Софи, пыталась втиснуть в свой график столько дел, что ей нужны были дополнительные часы в сутках. Софи готова была поспорить на последний фунт, что Кейт осталась на ночь

у своего бойфренда Бена, что и послужило причиной ее опоздания. Они все еще находились в той фазе отношений, когда страсти кипят и невозможно не прикасаться друг к другу все время. А вот у Софи с Джеймсом ничего подобного не случилось. Они скорее мягко приземлились, чем упали с обрыва. Софи сомневалась, что сумеет справиться с такими сексуальными страстями. Это было совсем не в ее духе, и временами она задавалась вопросом, не ведет ли она себя чуточку эгоистично. Разве любовь не должна быть нежной, всеобъемлющей и дарующей тепло? Чем-то, что расцветает при необходимой подпитке и заботе? Хотя она не могла отрицать, что счастье и жизнерадостность Кейт были заразительны, и когда Бен вдруг щурился, глядя на Кейт, от его пристального взгляда у Софи мурашки бежали по коже.

Пока она ждала свой капучино, прислушиваясь к деловитому шипению кофеварки, за которой орудовала девушка, подменявшая по субботам бариста, Софи еще раз оглядела датские слоеные улитки. Нет, нельзя. Но они выглядят так аппетитно. Бесполезно. Совершенно невозможно устоять перед этими улитками или булочками с корицей.

Балансируя между столиками с тарелкой в одной руке и чашкой в другой, стараясь держать плечи ровно, чтобы сумка не соскользнула и не снесла посуду с какого-нибудь столика, Софи пробралась к своему любимому месту в углу, откуда открывался вид на оживленную улицу.

К несчастью, за ее любимым столиком сидела усталого вида женщина с маленькой девочкой, которая негодуя хныкала. Большие голубые глаза ребенка вспыхивали от возмущения, пока она тянулась пластиковой ложкой к стаканчику йогурта, который ее мать держала на расстоянии вытянутой руки. Софи поняла, почему стаканчик оказался подальше от опасной зоны. Маленькая девочка уже успела размазать большую часть его содержимого

по волосам, и мать пыталась оттереть с них белую жижу салфетками. С того места, где стояла Софи, казалось, что происходит борьба двух осьминогов.

Она села за соседний столик, с нежной улыбкой наблюдая за этой борьбой, и уже собиралась отвернуться, когда молодая женщина подняла голову и бросила на нее злобный взгляд, плотно сжав губы в презрительной усмешке.

Слишком поспешно отпив горячего кофе, который обжег ей горло, Софи отвела взгляд, потрясенная этой бурной, неприкрытой ненавистью, которая заставила ее почувствовать себя так, словно ей дали пощечину. Она сделала пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Бедной женщине, вероятно, тяжело приходится, и тут нет ничего личного. Выдавлив любезную улыбку, она сделала более размеренный глоток кофе и посмотрела на соседку, надеясь, что ободряющее, дружеское лицо поможет женщине почувствовать себя немного лучше.

Ух ты, она все неправильно поняла! Если уж на то пошло, лицо у женщины сделалось еще более злобным, губы сморщились, как древний грецкий орех, и мордашку девочки она теперь вытирала сердито, салфетки в ее руке развевались, как простыни на ветру.

Ее страдания и расстройство казались почти физически ощутимыми. Софи на секунду заколебалась. Она не могла игнорировать бедную женщину, которая явно была очень несчастна.

— Все в порядке? — спросила Софи с робкой улыбкой, чувствуя себя так, словно пытается урезонить львицу.

— В порядке? — рявкнула женщина, но тут маленькая девочка ударилась в рев, и лицо ее матери мгновенно расслабилось, а гнев и злоба сменились откровенным страданием. — Ох, Эмма, детка. — Липкими от йогурта руками она подхватила девочку и прижала к себе, растирая ей спину. — Ну же, ну же. Мама извиняется.

Софи почувствовала легкий укол зависти, что-то у нее внутри едва заметно екнуло. Однажды... когда-нибудь...

Девочка крепко прижалась к матери и, перестав плакать, с внезапным ликованием бросилась к стаканчику с йогуртом. Мать улыбнулась, смирилась и покачала головой.

— Ах ты, егоза! — Она нежно поцеловала мягкие, как сахарная вата, кудри девочки и посадила ее к себе на колени, поставив перед собой на стол стаканчик с йогуртом и протянув дочке ложку.

На Софи женщина посмотрела спокойно и не мигая, хотя в ее взгляде все еще сквозил гнев.

— Вы спросили, все ли у меня в порядке? — В ее глазах заблестели непролитые слезы, она вызывающе вздернула голову.

— Да. Вам нужна помощь? Похоже, у вас уйма хлопот. — Софи улыбнулась девочке, которая теперь казалась вполне довольной. — Она просто чудо. Хотя этому беспорядку не позавидуешь. Хотите принесу еще салфеток или еще чего-нибудь?

— Да, она чудо, и она моя, — откликнулась женщина и встревоженно обняла девочку за плечи, чтобы защитить ее.

— Да, — осторожно ответила Софи. Неужели эта женщина считает ее похитительницей детей или что-то в этом роде?

— Вы же не против, правда, Софи? Не против делиться всяким? — Голос женщины стал вдруг усталым, плечи поникли, на лице появилось выражение боли.

Улыбка Софи застыла. Что-то в тоне женщины подсказывало, что она должна иметь хотя бы какое-то представление о том, что здесь происходит. Как эта женщина вообще узнала ее имя?

— Я просто пыталась помочь. — Софи уже жалела, что вообще встретила с незнакомкой взглядом.

— Ты? Помочь? — Женщина горько рассмеялась. — Я думаю, ты уже достаточно помогла. Мужа моего увела.

— Простите... что? — Софи застыла, так и не донеся чашку с кофе до рта.

— Гордишься собой? Мисс богатая сучка со своей квартирой в Кенсингтоне и загородным поместьем папы в Сассексе. Я тебя погуглила. Леди Софи Беннингс-Бичем.

У Софи отвисла челюсть. Эта женщина хорошо подготовилась. Никто из ее коллег по работе не имел ни малейшего представления о ее титуле. А паспорт она обычно никому не показывала. На самом деле Кейт была единственной, кто его видел, но у нее хватило профессионализма ни словом о титуле не обмолвиться.

— Я им не пользуюсь,... — машинально запротестовала Софи, потому что всегда так делала, но женщина ее перебила:

— Тихое уютное гнездышко. Неудивительно, что Джеймс предпочитает проводить половину жизни с тобой. Никакие детские пеленки не сушатся по всему дому. Никакие младенцы по ночам не плачут.

Джеймс? Софи напряглась. Уже открывая рот, она знала, что вопрос прозвучит как самое глупое на свете клише:

— А при чем тут Джеймс?

— Джеймс Суомс. Мой муж. Четыре ночи проводит в Лондоне. В понедельник, вторник, среду и четверг. Приезжает домой к жене и дочке в Ньюбери с пятницы по понедельник.

— Но он же ездит в Корнуолл. — Ноги Софи словно бы налились свинцом, а саму ее как будто придавило к дивану. — Он сейчас в Корнуолле.

— А вот и нет, глупая ты корова. Он косит газон у дома сорок семь по Фантейл-лейн в Ньюбери, а потом будет строить качели для Эммы.

Глава 2

Когда появилась надпись «Пристегните ремни», сердце у Софи неприятно екнуло. Вот теперь уже совсем поздно что-то менять. Поздно даже задаться вопросом, а не слишком ли поспешно она приняла решение?

Повсюду вокруг нее люди собирали вещи, которые разложили вокруг себя за время семичасового перелета, упаковывали ноутбуки и айпэды, разглаживали загнутые уголки книг, складывали пледы. В иллюминаторе через проход моргали огни города, которые становились все более четкими по мере того, как самолет снижался. Ей заложило уши, голова стала тяжелой.

С глухим стуком шасси коснулись земли, вой двигателей перешел в реверсивный рев, когда самолет начал замедлять ход. Она действительно в Америке: в сумочке доллары, адрес одного из многочисленных домов в Бруклине и чемодан с отчаянно жалким гардеробом, на котором надо продержаться ближайšie полгода. Она хотя бы взяла с собой теплый джемпер? А перчатки? Разве в Нью-Йорке зимой не стоит лютый холод?

Все еще мысленно сокрушаясь о бестолково собранных вещах, она заставила себя вежливо попрощаться с улыбочивыми стюардессами, еле сдерживаясь, чтобы не вцепиться в кого-то из них и не умолять забрать ее с собой обратно в Лондон.

— Это все от усталости, — заверила она себя, шагая по гулкому туннелю. Ей казалось, что пол слегка пружинит у нее под ногами, а грохот чемоданов эхом отражается от металлических стен. Впереди ждал долгий путь: таможня, поездка в такси, знакомство с чужими людьми и новым домом. Последние несколько часов Софи провела в приятном подвешенном состоянии, когда думать приходилось только о том, какой фильм выбрать, есть ли

говядину или курицу и как вскрыть пластиковую упаковку булочки.

Крепко держа ручку дорожной сумки, словно это волшебным образом придаст ей храбрости, она двигалась в людском потоке, где большинство шли, опустив голову, с таким видом, словно точно знали, куда идут. Софи завернула за угол и очутилась в огромном зале паспортного контроля, мельком глянув вверх, на свисающий с потолка американский флаг. У нее свело желудок от скопившегося напряжения. Она знала, что документы у нее в порядке, но слышала ужасные истории об американских пограничниках. И вообще обстановка не сулила ничего хорошего. Служащие пограничного контроля сидели всего в нескольких кабинках пропускного пункта, поэтому очередь была огромной. Пока она зигзагом медленно ползла вперед, Софи крепче сжала свой паспорт и попыталась принять невинный вид. Это было автоматической реакцией на суровых, вооруженных пограничников, которые стояли тут с таким видом, точно один неверный шаг — и они выстрелят не задумываясь.

Когда наконец подошла ее очередь, Софи чувствовала себя совсем измученной и начинала раздражаться от бесконечного ожидания. Самолет приземлился почти полтора часа назад, ее внутренние часы работали по британскому времени, и она привыкла к европейскому безразличию и лаконичному осмотру. Длительный процесс сканирования сетчатки и проверки отпечатков пальцев в час ночи, когда у нее ныли ноги и кружилась голова, обернулся немалым испытанием даже для ее бесконечного дружелюбия. Тянулись долгие минуты, пока пограничник средних лет с каменным выражением лица изучал ее паспорт. Его седеющие брови были насуслены, но разделены глубокой морщиной. Он посмотрел на нее, потом на фотографию в паспорте, потом снова на нее. Желудок у Софи опять

сжался. От головокружения она слегка покачнулась. Пограничник снова посмотрел на паспорт.

— Что, правда? — спросил он, его глаза расширились, когда он снова посмотрел на паспорт и снова на нее. — Леди Софи Амелия Беннингс-Бошамп?

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы настроиться на тяжелый, гнусавый американский акцент, после чего она с улыбкой кивнула, мол, ничего не поделаешь, и едва заметно пожала плечами.

— У вас в багаже есть диадема? — В этом вопросе в равной степени смешались необоснованная агрессия и любопытство.

Какой-то озорной бесенок заставил ее ответить очень серьезно:

— Не в этот раз. Не люблю путешествовать с фамильными драгоценностями.

— Так точно, мэ. Или мне следует называть вас Ваша Светлость?

— Сойдет и Софи.

Он изменился в лице.

— Или мисс Беннингс, — добавила она с улыбкой, довольная тем, что прогнала с его лица устрашающе официальное выражение.

— Не мисс Беннингс-Бошамп? — Он прочел фамилию на французский лад, но почему-то с лишней «п» на конце, и Софи задумалась, а стоит ли объяснить, что на самом деле правильно будет «Бичем», но решила, что лучше не надо. Только не в это время суток.

Подавшись вперед, она прошептала:

— Я стараюсь путешествовать инкогнито. Поэтому предпочитаю мисс Беннингс. Так проще.

Он кивнул и приложил палец к губам, его взгляд скользнул ей за плечо и прошелся по залу.

— Никомушеньки не скажу.

— Спасибо.

— Не за что, леди Беннингс-Бошамп. — Он подмигнул ей и нахмурился. — Вы работаете? — Его брови еще глубже опустились на глаза. — У вас виза «Л1».

— Папа спустил мое наследство в игорном доме, — сказала Софи уголком рта, начиная получать удовольствие от происходящего.

— Ах вот как. — Он печально покачал головой. — Это плохо, Ваша Светлость.

— И я не могла продать фамильные реликвии. Так что пришлось найти работу.

— Ну, как-то это неправильно. — Он осекся, все его лицо сморщилось в сочувственном отвращении, а потом он с почтительным кивком добавил: — Но очень хорошо с вашей стороны, Ваша Светлость, — последовала короткая пауза, прежде чем, словно встряхнувшись, он вспомнил, что ему положено говорить: — Итак, где намереваетесь остановиться на время вашего путешествия?

Она отгарабанила заранее заученный адрес.

— В Бруклине?

— Да, — сказала Софи, улыбаясь его явному разочарованию. — Разве это не прекрасно?

Пограничник расправил плечи и вздернул подбородок.

— Конечно, мэм, то есть Ваша Светлость. Бруклин... — он поморщился, — сильно изменился за эти годы. Сейчас он очень модный. Не то что в мое время. Надеюсь, вам понравится.

— Не сомневаюсь.

— Можно задать вам один вопрос?

— Конечно.

— Вы знаете королеву? — В его взгляде сквозило предвкушение.

Софи стала прямее, осторожно оглянулась через плечо, прежде чем снова повернуться к нему, широко рас-

крыв глаза, словно предупреждала, что собирается выдать страшную тайну:

— Да, семья каждый год бывает на Пасху в Букингемском дворце. Принц Филипп просто душа, а дети Уильяма и Кейт милашки. Но никому не говорите. О таком рассказывать не полагается.

Быстро отсалютовав, он кивнул.

— Никомушеньки на свете. Но передайте ей от меня привет. Меня зовут Дон. Дон Маккриди. — Он просиял. — Вот погодите, расскажу своей жене Бетти-Энн, что с вами познакомился. Она просто обожает королевскую семью и будет на седьмом небе.

Огни неоновых вывесок расплывались и сливались в единое пятно, пока такси мчалось вперед, нью-йоркская магистраль была оживленной даже в это время суток. Софи сморщила нос от неприятного запаха, витавшего в обшарпанном такси, при виде уродливой металлической решетки, отделявшей пассажирское сиденье от переднего, и угрюмого безразличия к ней самого водителя. Из мобильного телефона в подставке на приборной доске лился поток испанских слов, время от времени прерываемых односложными ответами водителя. Она откинулась на потрепанное сиденье, наблюдая за уличными сценами через покрытое царапинами стекло, пока машина виляла с полосы на полосу. Виды за окном походили на Америку, которую она видела по телевизору в детстве в старых сериях «Полиции Нью-Йорка». По улицам спешили люди всех цветов кожи. Маникюрные салоны бок о бок с шиномонтажными мастерскими, диковинное правописание и незнакомые сети фастфуда: «Годлен краст», «Уэндиз», «Техас Чикенбургеры» наряду с вездесущими «Макдоналдсом», «Данкин-Донатсом» и «Севен-Элевен», которые смотрелись знакомо, но все равно чуточку иначе, чем дома.

Софи испытала искушение тронуть таксиста за плечо и попросить его развернуться в сторону аэропорта. Но она сделала глубокий судорожный вдох. «Мужайся, Софи, ты сама так решила. Это твой выбор».

Достав телефон, она перечитала мейл с инструкциями о приезде. Редакция сняла для нее квартиру. Так, ее ждет однокомнатная квартира в Бруклине, в пешей доступности от метро и в нескольких остановках от места работы. На мгновение она позволила себе вспомнить обмякший воздушный шарик Мэл. В понедельник, ровно через тридцать один час, ее будет ждать стол Брэнди Баумгартен. Прокрутив экран, она вывела карту метро, которую загрузила заранее. И в который раз напомнила себе, что здесь оно называется «подземка». А еще она выглядела ужасно запутанной по сравнению с картой метро, к которой она так привыкла. Глубоко вздохнув, Софи закрыла приложение. Завтра у нее будет достаточно времени, чтобы сориентироваться и решить, как добраться до работы.

Таксист сбросил скорость, сворачивая с главной магистрали, и улицы внезапно стали интересными: множество баров, оживленные толпы, все столики уличных кафе были заняты, бары и рестораны всех возможных кухонь мира. Водитель резко обернулся к Софи, еще до того как взвизгнули тормоза машины.

— Сорок долларов! — рявкнул он.

— Это здесь? — спросила она, вглядываясь через окно в витрины нескольких магазинов.

— Номер четыреста двадцать пять прямо тут, дамочка. — Таксист презрительно ткнул большим пальцем. — Как и заказывали.

— О... да, — сказала Софи, не понимая, как он мог разглядеть какие-то цифры. Может, тут какой-то местный обычай, может, она не там ищет.

Пока Софи размышляла, таксист уже вышел из машины и выгружал ее чемоданы на тротуар.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила Софи, перебирая в сумочке незнакомые купюры. Нашлась достоинством в пятьдесят. Она знала, что в Америке принято давать большие чаевые, и на мгновение ее охватила паника.

— Сдачу оставьте себе. — Она понятия не имела, много это или мало, но, учитывая, что было почти три часа утра, ей хотелось только найти обещанный мини-сейф с ключами, попасть в квартиру и рухнуть в постель.

Схватив деньги, водитель запрыгнул обратно в кабину прежде, чем она успела сказать еще хоть слово, и красные задние фары машины исчезли в конце улицы, мигнув напоследок, как глаза исчезающего демона.

Софи очутилась посреди тротуара с двумя чемоданами и дорожной сумкой, и внезапный страх сжал ее сердце, когда она оглядела витрины магазинов. Ни в одной нет таблички или вывески с номером телефона. Нигде не было номеров домов. Она посмотрела на уходящую вдаль улицу. Это была очень длинная улица. Кое-какие люди кругом все-таки были, и с перекрестка доносились громкие голоса.

Она обернулась и вздрогнула, когда из ниоткуда появился мужчина. Таких высоких людей она вообще никогда не видела, ростом он, наверное, более шести футов пяти дюймов, с длинными, худыми, слегка кривыми ногами, которые, казалось, подергивались с каждым шагом. Мимолетный страх, что ее застигнут врасплох посреди ночи в чужом городе, отступил, когда на черном лице блеснули белые зубы.

— Эй, леди, вы в порядке? Видок у вас малость потерянный.

— Я... э-э... ищу номер четыреста двадцать пять.

Верзила навис над ней, и на нее пахло, как это ни абсурдно, розмарином.

Украдкой принюхавшись, она различила еще и базилик.

— Так это прямо тут, над заведением Беллы. — Он указал на кондитерскую, и только тут Софи заметила узкий дверной проем, зажатый между двумя витринами.

— Ты, наверное, та самая англичанка.

— Наверное, та. В смысле англичанка.

Теперь запах базилика стал сильнее, и поскольку она не пришла в себя после смены часовых поясов, то бездумно выпалила:

— А от тебя пахнет травами.

— Пряными, — согласился он. — «Травы и специи для усиления перцепции».

— Концепция апробации данной инструкции? — шутливо откликнулась Софи, чувствуя себя малость Алисой в Стране чудес.

Его ухмылка стала шире, и он указал на магазин чуть дальше по улице. Софи кивнула. Она уже почувствовала себя чуточку глупо, сообразив, что это его магазин называется «Травы и специи для усиления перцепции».

— Только что приехала? — рассмеялся он. — Ну конечно, только что, иначе зачем бы тебе посреди ночи торчать на улице с кучей багажа? Я Уэс. Давай-ка помогу тебе с чемоданами.

Слишком усталая, чтобы спорить, Софи кивнула с облегчением, обнаружив у двери сейф, который выплюнул ей ключ, едва она набрала код. Уэс первым поднялся по узкой лестнице, с легкостью неся ее сумку и чемодан, а она потащила следом, принюхиваясь к запаху трав от пары горшков, втиснутых в холщовую сумку, висевшую у него через плечо.

Наконец Уэс остановился перед ярко-красной дверью.

— Тебе сюда, 425 «А». Белла живет над тобой. Ей принадлежит все здание целиком. — Забрав у Софи ключи, он открыл перед ней дверь, сгрузил чемодан и сумку

в крошечный холл и щелкнул выключателем. — Добро пожаловать в наш район.

Выудив из сумки горшок с розмарином, он сунул его ей в руки, отсалютовал, поднырнул под притолоку и с веселым свистом сбежал вниз по лестнице.

Несмотря на усталость, знакомство с этим дружелюбным парнем, который подарил ей пряность в горшке, заставило ее почувствовать, что, возможно, жизнь в Бруклине все-таки будет сносной.

Коридор привел в гостиную, из которой выходило несколько дверей. Она мельком отметила полированный паркет, два высоких окна, сквозь которые лился рассеянный свет фонарей, и какую-то темную мебель. Поставив горшок на стол, она открыла ближайшую дверь. В точку с первой попытки: спальня. Двухспальная кровать, одеяло, подушка. Никакой наволочки и ни намек на простыни. Вот черт. Софи не пришло в голову привезти их с собой. Да наплевать. Не раздеваясь, Софи повалилась на покрывало и завернулась в него. Последней ее мыслью было, что утром надо будет лишние пару минут почистить зубы.

Глава 3

Несмотря на безбожную рань (пять утра), сна у Софи не было ни в одном глазу, хоть она и проспала всего несколько часов. Ее биологические часы были настроены на Лондон, и, если верить биоритмам, телу полагалось наслаждаться сном, праздно валяясь в постели в этот ранний час.

Софи со стоном перевернулась на другой бок, чувствуя себя грязной, покрытой дорожной пылью, каждый сантиметр кожи словно чесался, а тело затекло после долгого перелета. Она смотрела в незнакомый потолок, а сквозь

тонкие занавески пробивался слабый свет только занявшейся зари. Как обычно, нахлынули всякие мысли. Воспоминания о последних двух годах непрошено лезли в голову — как гремлины из всех щелей. «Нет, я туда не пойду. Отказываюсь туда идти!» Надо в душ. Надо распаковать вещи. Надо найти чай. Таковы сейчас приоритеты.

Свесив ноги с кровати, Софи твердо поставила их на широкие деревянные половицы и оглядела комнату. Места ровно столько, чтобы поиграть с котенком, очень маленьким котенком, зато чисто и, судя по всему, недавно покрашено. Со вкусом подобранный оттенок зеленого шалфея дополняли кремовая деревянная отделка изголовья кровати и комод под стать, над которым висело овальное зеркало. Комнатка была тесная, поэтому кровать придвинута вплотную к стене, и никаких признаков шкафа.

Проблема со шкафом решилась, когда она толкнула вторую дверь, ведущую из спальни. Дверь вела в крошечный коридорчик со встроенным шкафом, а в конце маячила еще одна дверь — в длинную и очень узкую ванную комнату. Однако блестящий глянцевый кафель цвета красной терракоты и безупречная хромированная фурнитура более чем компенсировали крошечные размеры. При виде ультрасовременной душевой кабины (хромированной, с многочисленными кранами, головками и рычажками), достаточно большой, чтобы туда поместилась команда регби, она сняла одежду и шагнула под райские потоки горячей воды. Только когда вода потекла по обеим сторонам ее головы и по длинным светлым волосам, Софи вдруг поняла, что здесь нет ни шампуня, ни мыла, ни полотенца. Она сморгнула от собственной глупости. Почему ей не пришло в голову привезти с собой полотенца и простыни?

Отряхиваясь, как собака, чтобы как-то уменьшить количество воды, подстелив джинсы вместо коврика для

ванны, она посмотрела на свое идиотское отражение в зеркале: волосы пришлось обернуть футболкой, чтобы хоть как-то собрать воду.

Боже ты мой, она же из тех, кто вечно берет запасной комплект для всех остальных!

Раскрыв чемодан, она принялась рыться в вещах, ужасаясь их случайному набору и вопиющим упущениям. Выпрямители для волос, но нет фена. Четырнадцать пар трусиков. Один лифчик. Три тюбика зубной пасты. Ни одной зубной щетки. Щипчики для ногтей, но нет маникюрных ножниц. Ее вторая любимая кулинарная книга. Что, пакетики чая без кофеина? Как раз тогда, когда она душу за кофеин готова продать! Кто вообще пьет напитки без кофеина? Должен быть закон, запрещающий это.

Она присела на корточки. Перед глазами пронеслась вся прошлая неделя. Господи, воспоминания — это просто чудесно.

Теперь, когда было уже слишком поздно, она поняла, что собиралась будто в тумане отрицания и полнейшего безразличия. Была совершенно убеждена, что на самом деле никуда не поедет. До самой последней минуты, когда таксист позвонил в дверь, она сомневалась, что на такое способна.

Закусив губу, стоя на коленях среди разбросанных рубашек, джинсов и кроссовок-«конверсов», Софи вспоминала свои последние дни в Лондоне. Как только она сказала Анджеле «да», у нее возникло ощущение, что она ступила на беговую дорожку, и у нее не было ни сил, ни способности рассуждать, чтобы делать что-то другое, кроме механических движений на автопилоте. Несчастье обернулось полезным щитом, который затуманивал реальность, пока не стало слишком поздно попытаться соскочить с беговой дорожки. Такси стояло у двери, рука сжимала паспорт, у ног стояли два чемодана и дорожная сумка.

И вот она здесь. В Америке.

— Вот именно, — сказала она самой себе вслух. Потом встала, стянула футболку с мокрых волос и решительно посмотрела на себя в зеркало. — Теперь ты здесь. — Она посмотрела себе в глаза. — Ты, да, ты, Софи Беннингс-Бичем... Бошамп, по выражению милого таможенника, и тебе надо собраться. Взять себя в руки. Так... Простыни. Полотенце. Туалетные принадлежности.

Благодаря глупым упущениям у нее, по крайней мере, появились дела на сегодня. Она должна выйти из дома и купить хотя бы абсолютный минимум.

— Надо пройтись по магазинам!

Господи боже, она такая мокрая, что даже не осмотрела свой новый дом. А еще она разговаривает сама с собой!

— А что в этом плохого? Давай. Это возможность.

От того, что она произнесла эти фразы вслух, Софи почувствовала себя не так глупо. Возможно, ей стоит купить какое-нибудь пособие из разряда «Помоги себе сам» или придумать пару-тройку более убедительных мантр.

— Это возможность. Некоторые люди убить готовы, лишь бы очутиться на моем месте.

Ладно, убить, может быть, малость чересчур, но все ее друзья откровенно завидовали. Ни один из них не сказал: «О боже, только подумай, какой Нью-Йорк большой и страшный, как одиноко тебе там будет!»

Исследование нового дома не заняло много времени. Квартира была небольшой, но идеально обставленной. Современная и очень изысканная. Совсем не то, к чему она привыкла, но, стоя в гостиной-кухне с открытой планировкой, она кивнула про себя. Ладно, она могла бы жить здесь. Паркет с широкими половицами был прекрасен, а огромные двустворчатые окна пропускали много света и обеспечивали прекрасный вид на улицу. Тут имелись

телевизор и черный ящик с несколькими пультами дистанционного управления, на которые она взглянула лишь мельком, поморщившись. Этой сферой жизни занимался Джеймс. Ярко-красный диван с серыми подушками, стоявший напротив камина, выглядел привлекательно и уютно. С другой стороны комнаты, вдоль задней стены, располагалась длинная открытая кухня, стена там была выложена кафелем, и белая плитка перемежалась вставками темно-красного цвета. Зоны гостиной и кухни разделяла стойка с деревянной столешницей, в которую были встроены раковина и слив. И Софи с удовольствием отметила, что плита, духовка, холодильник и раковина расположены на идеальном для повара расстоянии друг от друга.

Открыв пару шкафов и обнаружив стандартные фаянсовые кружки и тарелки из «Икеи», она не могла решить, разочаровывает это или скорее утешает. Отчасти она надеялась на какую-нибудь экзотику — на шикарную американскую фирменную посуду, которая доказала бы, что она пролетела 3000 миль не зря. А отчасти (причем гораздо большей части, если быть до конца честной) она испытала облегчение, увидев знакомые высокие кружки и неглубокие тарелки привычных цветов. Они словно бы говорили, мол, видишь, ты не так уж далеко от дома.

Одобрительно кивнув, Софи уже собиралась отвернуться, как ее взгляд упал на дверь, скрытую от глаз, за холодильником.

— Ух ты!

Она шагнула через дверь на балкон, сразу же подняв лицо, чтобы теплый солнечный свет погладил ей кожу. Солнце ярко светило в безоблачном небе. С минуту она стояла так, купаясь в его тепле. Золотое сияние заключило ее в вечные объятия, сразу облегчив измученную душу.

— Хочу увидеть солнце после дождя... Хочу увидеть полет синей птицы... — запела она, оглядывая садовый

столик, два стула и пустой горшок, который так и просил, чтобы в него посадили пряные травы.

Надо будет поговорить с Уэсом, таинственным травником, с которым она вчера познакомилась. Раздумывая, не посадить ли к пряным травам еще и перец чили, Софи повернулась, чтобы рассмотреть пейзаж: каскады крыш и маленькие, потаенные уголки задних дворов. Можно было заглянуть на балконы и во дворы соседней. Кое-кто смонтировал себе турники, другие втиснули на крошечные лужайки качели, а третьи обставили свои мини-террасы дорогой садовой мебелью. Повторив припев про солнце после дождя, она проглотила комок, борясь со слезами. Понадобится какое-то время... ладно, много времени, прежде чем она увидит что-то хорошее в жизни, но рано или поздно она почувствует себя лучше. Она бросила горький взгляд на второй садовый стул и, вздохнув, вернулась на кухню. Надо чем-то себя занять. Надо составить списки. Если бы только она... упаковала чертову ручку! Она знала, что оттягивает момент, когда придется покинуть квартиру.

И вдруг увидела приклеенный скотчем к задней стороне двери большой лист бумаги с рваным краем, как будто кто-то схватил первое, что подвернулось под руку, и нацарапал ярко-синим фломастером записку:

«Добро пожаловать. Заскочи в кондитерскую поздороваться. Первый кофе за мой счет и завтрак в придачу, потому что я не успела сходить в магазин за продуктами для тебя. Твоя хозяйка Белла».

Кофе!

Стоило этой мысли угнездиться у нее в голове, как в животе заурчало. Когда она в последний раз нормально ела? Она не может оставаться здесь весь день... на самом деле, вероятно, может... но ей нужны всякие вещи, полотенца и простыни. Это давало ей прекрасный повод взять себя в руки и перестать быть такой

слабачкой. Схватив путеводитель и сумочку, Софи поспешно собрала все, что ей могло понадобиться, и направилась к двери.

С мгновение Софи стояла совершенно очарованная витриной, которую не заметила прошлой ночью. Фотография Одри Хепберн из фильма «Моя прекрасная леди» в легендарной черно-белой шляпке *Ascot* парила над роскошнейшей (иначе Софи не могла бы ее описать) выставкой сластей. Декорированные в соответствующей черно-белой гамме капкейки и маффины расположились на двух подставках для тортов в стиле канделябров, которые стояли как фрейлины по обе стороны пятиярусного свадебного торта, а сложная глазурь на торте очаровательно вторила дизайну шляпы на фотографии. Завершала все рукописная цитата Одри Хепберн: «Нет ничего невозможного, само это слово говорит, что я — возможна!»

Прочитав ее, Софи кивнула. Ей нужно быть более позитивной. А сейчас такое ощущение, что ее способность действовать испарилась. Профессиональным взглядом она окинула пирожные, восхищаясь тщательностью и изобретательностью их создателя. Рядом с Софи открылась дверь кафе, откуда донесся чарующий аромат кофе.

Ее желудок снова заурчал, и она схватилась за дверь в тот момент, когда та начала закрываться. Войдя внутрь, Софи остановилась, закрыла глаза и глубоко вдохнула. То, что началось с солнечного света наверху, закончилось знакомым волшебным алхимическим запахом масла и сахара, яиц и муки. Ей стало легче, словно какая-то невидимая ноша спала с плеч, когда она ощутила успокаивающий аромат ванили, насыщенный землистый запах шоколада, резкий цитрусовый аромат лимона. Запахи кружились вокруг, заземляя ее. Софи чуть не рассмеялась вслух. Заземлять, серьезно? Но это было правдой, впер-

вые за две недели она снова почувствовала себя немного лучше. И тут она заметила объявление над прилавком. «Сегодня у вас 86 400 секунд. Вы использовали хотя бы одну, чтобы улыбнуться?»

Приняв надпись как руководство к действию, Софи позволила губам расплыться в широкой улыбке и сделала еще один осторожный вдох. Атмосфера в кофейне была почти домашней, и внезапно ей захотелось очутиться на кухне: добавлять, смешивать, пробовать и выпекать.

Она открыла глаза и направилась к стойке. Казалось, Софи забыла, каково это, испытывать радостное предвкушение. А вот сейчас ей до смерти захотелось посмотреть, что тут есть, откуда доносятся все эти восхитительные запахи и чему она может научиться у местных кондитеров. Она никогда раньше не бывала в Америке, а ведь тут целый новый мир еды, который предстоит исследовать. Глаза у Софи загорелись. О да, так оно и есть!

— Доброе утро. Как у вас дела? Что я могу вам предложить? — спросила миниатюрная девушка с копной рыжих кудрей, затянутых ярко-зеленым шарфом, протирая кофеварку.

— Привет, я... Очень хорошо, спасибо. Я Софи. С верхнего этажа.

— Софи! — взвизгнула девушка, роняя тряпку, и, обжав стойку, положила руки на плечи Софи, уставившись на нее с живым интересом, как двоюродная бабушка, которая не видела ее много лет. — Ух ты! Здорово, что ты зашла. Я Белла. Твоя хозяйка. Я никогда раньше не была квартирной хозяйкой. Тебе понравилась квартира? — Ее руки вспорхнули с плеч Софи, и она принялась нетерпеливо жестикулировать, точно руки тоже обязательно хотели принять участие в разговоре. — Тебе что-нибудь нужно? Извини, что не принесла продукты. Я подумала, может, надо это сделать, но не знала точно, а потом воз-

ник срочный заказ, и я просто... Ну у нас всегда сумасшедший дом в выходные. Добро пожаловать в Бруклин.

Софи засмеялась и подняла руки, чтобы отгородиться от потока слов и мельтешения пальцев и успокоить собеседницу.

— Все в порядке. Квартира прекрасная. И один добрый человек по имени Уэс помог мне занести чемоданы. Даже оставил мне горшочек с травами.

— Ах да, соблазнительный Уэс. — Уголки губ Беллы на мгновение опустились, а потом она продолжила: — Он такой милый. И вечно подсовывает всем травы. — Она кивком указала на алюминиевые горшки с лавандой на столах. — Фух, я очень торопилась закончить все вовремя, но когда Тодд, это мой двоюродный брат, сказал, что журналу срочно нужна квартира в аренду, я не смогла отказаться. Что тебе предложить? Ты, наверное, в ужасном состоянии от смены часовых поясов? У тебя сейчас середина ночи?

— Нет, сейчас ранний полдень, но я стараюсь об этом не думать. Кофе был бы очень кстати, спасибо. — Обычно Софи пила крепкий чай, но знала, что жители Нью-Йорка предпочитают кофе, и подозревала, что получить приличную чашку чая будет непросто.

— Мне нравится твой английский акцент, он такой милый.

— Спасибо...

Софи захотелось поскорей телепортироваться назад, в квартиру. Но сделать это было решительно невозможно. Белла сновала вокруг, как веселая, подхваченная ураганом феечка, во взгляде ее карих глаз сквозили любопытство и проницательность.

— Как насчет того, чтобы перекусить? Сегодня утром я испекла лавандово-ванильные капкейки, а еще есть с морковью и корицей и апельсиново-лимонные.